

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №1 2023 ГАЗЕТА

Сергей Степняк-Кравчинский / Андрей Кожухов

Сергей Михайлович СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ (1851–1895)

Родился в 1851 году в селе Новый Стародуб Херсонской губернии в семье потомственного дворянина военного медика М. Ф. Кравчинского. Окончил военную гимназию в Орле, затем учился в Александровском военном училище в Москве, откуда с третьего курса в звании портупей-юнкера был переведён в Петербург в Михайловское артиллерийское училище.

Приобретая знакомства в питерской либеральной среде, примкнул к кружку «самообразования». К 1870 он становится последовательным атеистом и социалистом. После недолгой преподавательской работы в Харьковской фейерверкерской школе, добивается отставки от армейской службы «по домашним обстоятельствам» и поступает на аграрный факультет петербургского Земледельческого института. В 1872 году как профессиональный пропагандист, знаток истории и политэкономии, Кравчинский был принят в кружок «чайковцев». С 1873 года находится под надзором полиции. Через год он направлен за границу для организации пропагандистского журнала. В Лондоне и Париже изучает современное рабочее движение. Для получения опыта партизанской войны переезжает в Герцоговину, где помогает повстанцам в борьбе с турками.

Заимствуя мотивы и приёмы народной сказки, уже с псевдонимом Степняк, он пишет ряд популярных брошюр по политэкономии, навеянных анархическими идеями М. А. Бакунина, знакомство с которым состоялось в Лугано.

Возвратившись в 1876 году в Россию, Кравчинский пытается организовывать побеги политзаключенных, впрочем, терпит фиаско и, по решению подполья, переправляется в Италию. Здесь он участвует в провалившейся попытке вооруженного восстания бакунистов в провинции Беневенто, после ареста около года находится в тюрьме. После амнистии перебирается в Женеву, здесь активно занимается публицистикой, но уже летом 1878 года едет на родину по вызову «Общества народников» для редактирования его центрального органа. С собой в Петербург привозит оборудование для подпольной типографии.

По приговору исполкома «Земли и воли» 4 августа 1878 года Степняк-Кравчинский нанёс смертельный удар кинжалом шефу жандармов Третьего отделения Н. В. Мезенцева. В прокламации под заглавием «Смерть за смерть!» сам он объясняет мотив убийства Члена Государственного Совета необходимостью заставить российскую власть «уважать священные человеческие права», по существу, оправдывая политическое убийство как средство революционной борьбы.

Избегав ареста, был переправлен друзьями через Польшу в Швейцарию. Оставаясь принципиально вне партий, вступает в лондонское Фабианское общество и организует английское общество «Друзей русской свободы» (1890–1916).

С 1881 целиком посвящает себя работе над циклом очерков «Подпольная Россия». По соображениям безопасности с 1884 живет в Лондоне. Много выступает с лекциями и статьями по русской литературе, рассматривая художественное творчество как опыт социального исследования, отражения общественных умонастроений.

Роман о повседневной жизни народовольцев в России и за границей «Андрей Кожухов» в русском переводе Фанни Личкус-Степняк, жены писателя, был в 1898 года опубликован в Женеве лишь через три года после смерти автора. Он погиб 11 декабря 1895 года под колёсами поезда в предместье Лондона Бедфорд-парк. Прижизненные издания под заглавием «Карьера нигилиста» выходили на английском в Лондоне и Нью-Йорке. Повесть «Домик на Волге» вышла посмертно, сначала в Женеве (1896), а затем в Петербурге (1906).

Личность Н. М. Степняка-Кравчинского высоко ценили Б. Шоу, М. Твен, Э. Золя, Э.-Л. Войнич, О. Уайльд, А. Додэ, Дж. Голсуорси, У. Моррис, П. Л. Лавров, П. А. Кропоткин, Н. А. Морозов, В. И. Засулич, В. А. Осинский, Г. В. Плеханов.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2023 №1 /1918/ Основана в 1927 г.

Сергей Степняк-Кравчинский

Андрей Кожухов

Роман

Часть первая

ЭНТУЗИАСТЫ

Глава I
НАКОНЕЦ!

Елена наскоро окончила свой скромный обед в маленьком женевском ресторане — излюбленном сборном пункте русских эмигрантов — и отказалась от кофе. Она обыкновенно позволяла себе эту роскошь с тех пор, как ей посчастливилось раздобыть урок русского языка, но сегодня она торопилась. У нее в кармане лежало давно ожидаемое письмо из России, только что переданное ей старым седым часовщиком, который получал на свое имя всю ее заграничную корреспонденцию, и она горела нетерпением передать драгоценное послание своему другу Андрею. Хотя оно и относилось непосредственно к нему, но, наверное, содержало известия общего характера.

Перекинувшись несколькими словами с одним из товарищей по изгнанию, девушка прошла между рядами столиков, за которыми сидели рабочие в блузах, и вышла на улицу. Было только половина восьмого; она уверена была, что застанет Андрея дома; он жил поблизости, и через пять минут она была у его двери; ее красивое, несколько холодное лицо слегка покраснелось от быстрой ходьбы.

Андрей был один и читал какую-то статистическую книгу, делая из нее выписки для своей еженедельной статьи в русской провинциальной газете. Он повернул голову и поднялся, протягивая руку гостье.

— Вот вам письмо, — сказала Елена, здороваясь с ним.

— А, — воскликнул он. — Наконец-то!

Это был молодой человек лет двадцати шести или семи, с серьезным, добрым лицом и правильными чертами. Лоб его носил отпечаток ранних забот и глаза имели задумчивое выражение, но это не нарушало впечатления решимости и спокойствия, производимого его сильной, хорошо сложенной фигурой.

Легкий румянец покрыл его лоб в то время, как пальцы его тонкой мускулистой руки с нервной торопливостью распечатывали конверт. Он развернул большой лист бумаги, покрытый далеко отстоявшими друг от друга строками, написанными мел-

Перевод с английского Ф. М. Степняк.

ким неровным почерком. Елена выказывала не менее нетерпения, чем он сам; она подошла к нему и положила руку на плечо, чтобы тоже заглянуть в письмо.

— Сядьте лучше, Лена, — сказал молодой человек. — Вы заслоняете свет вашими локонами.

Бедно обставленная комнатка плохо освещалась небольшой лампой под зеленым абажуром. Только ножки нескольких простых стульев и нижняя часть комода из красного дерева были освещены надлежащим образом. Желтые обои с развешанными на них дешевой олеографией швейцарского генерала Дюфура, стереотипным пейзажем, фотографией умершего мужа хозяйки и ее собственным школьным дипломом, под стеклом и в золотой рамке, — все это погружено было в полумрак, очень выгодный для картин, но лишавший возможности читать.

Андрей подвинул еще один стул к круглому обеденному столу, покрытому книгами и газетами, и повернул лампу так, чтобы она освещала часть стола, служившую ему пюпитром. Елена села подле него и придвинулась так близко, что волосы их соприкасались, но оба они были слишком поглощены чтением, чтобы обращать на это внимание. С чисто женским проворством Елена быстро пробежала страницу и первая высказала свое мнение.

— В письме ничего нет! — сказала она. — Все это вздор! Нечего даже терять время на чтение.

Этот странный совет не возбудил, однако, удивления со стороны Андрея, и он спокойно ответил:

— Обождите минутку. Я узнаю почерк Жоржа, а он обыкновенно вставляет кое-что интересное. Во всяком случае, прочесть недолго: «Дорогой Андрей Анемподистович, спешу известить вас...» гм... гм... «ввиду сильных морозов...» гм... гм... «овцы и телята...» гм... гм... — бормотал Андрей, быстро пробегая строчки глазами. — А вот тут что-то о домашних делах. Давайте прочтем... «Что касается домашних дел, — Андрей читал тоном канцелярского чиновника, делающего рапорт, — извещаю вас, что сестра Катя вышла замуж за... она его встретила прошлой осенью в... Муж оказался человеком без принципов и чувства чести... хуже того... Она в отчаянии... Я бы никогда не думал, что она... Отец крайне огорчен... Седые волосы... Мы надеемся только, что всеоблегчающее время, утешитель страждущих...»

Патетическое излияние было прервано веселым смехом Елены, или Лены, как ее называл ее друг.

— Сейчас видно, — сказала она, — что поэт писал.

Ничуть не обиженный такой неуместной веселостью, Андрей продолжал читать, быстро бормоча сквозь зубы конец письма.

— Да, вы были правы, не стоило читать, — сказал он наконец, не обнаруживая, однако, никакой досады. Затем он обернулся, как бы ища чего-то.

— Вот, — сказала она, взявши с каминной полки маленькую черную склянку, стоявшую рядом со спиртовой машинкой, на которой он готовил свой утренний чай.

Он тщательно расправил письмо и, обмакнув в склянку, переданную ему Леной, кисточку, несколько раз провел ею по лежавшей перед ним странице.

Черные строчки, написанные обыкновенными чернилами, быстро исчезли, как бы растворясь в едкой жидкости; на мгновение бумага осталась совершенно белой. Потом на ней что-то ожило и задвигалось; из сокровенных ее недр появились как бы выброшенные из глубины, спеша и толпясь, одна за другой буквы, слова, фразы — здесь, там, повсюду. Это была беспорядочная ватага, напоминавшая разбуженных утренним сигналом солдат, когда они спешат оставить палатки и занять место в строю.

Наконец движение прекратилось; буквы остановились на своих местах; кое-где еще какое-нибудь запоздавшее слово или буква старались порвать застилавший их тонкий покров и незаметно проскальзывали на свои места, рядом с другими, более проворными товарищами; но в верхней части страницы все пришло в порядок. Вместо прежних фиктивных слов стояли густые строчки, написанные мелким почерком и готовые открыть наконец верно сохраненную тайну Андрею и Лене. Оба наклонились над столом, взволнованные долгим ожиданием.

— Я буду читать вам! — воскликнула Лена. И прежде чем Андрей успел возразить или как-нибудь иначе защитить свою собственность, нетерпеливая девушка вырвала письмо и начала: — «Дорогой брат! Наши друзья поручили мне ответить на твое письмо и сказать, что мы всей душой сочувствуем плану твоего возвращения в Россию. Мы чувствовали потребность в твоём присутствии среди нас гораздо чаще, чем ты думаешь, но не решались вызывать, зная слишком хорошо, с какими это связано опасностями для тебя. Мы решили позвать тебя только в случае крайней необходимости — и вот теперь этот момент наступил. Ты знаешь, конечно, по газетам о наших недавних победах, но ты, вероятно, не знаешь, какой дорогой ценой они нам достались. Наша организация понесла тяжелые потери; несколько наших лучших товарищей погибло; жандармы полагают, что они окончательно нас раздавили, но мы, конечно, выпутаемся. Теперь есть более, чем когда-либо, желающих присоединиться к нам, но все это народ неопытный. Мы не можем более обойтись без тебя. Приезжай, мы все тебя ждем — старые друзья, которые никогда тебя не забывали, и новые, не менее нас желающие приветствовать тебя. Приезжай как можно скорее!»

Лена остановилась. Она глубоко радовалась за Андрея, с которым была в большой дружбе. Подняв-

ши голову, она взглянула на него глазами, полными симпатии, но увидела только его коротко стриженные черные волосы, жесткие, как лошадиная грива. Он отодвинул свой стул и, перегнувшись через спинку его, оперся подбородком на руку и казался всецело поглощенным созерцанием неровностей елового пола. Лене некогда было задаваться вопросом: избегает ли он ее взгляда или просто боится света лампы; она продолжала читать дальше.

В письме говорилось довольно пространно о разных отвлеченных вопросах; в нем сообщалось о значительных переменах в практической программе и в ближайших целях партии.

«Все это, — заключал автор письма, — может быть, удивит и возмутит тебя в первую минуту, но я не сомневаюсь, что очень скоро ты, как практик, согласишься с нами...»

Тут Лене пришлось перевернуть страницу, и ее сразу остановила бессмысленная болтовня фиктивного письма; она на минуту забыла, что его нужно смыть для того, чтобы обнаружился настоящий текст. Первые слова, которые она нечаянно прочла, произвели на нее впечатление фарса, врывающегося в серьезную драму.

Она взяла склянку и провела по остальным страницам; в несколько секунд они тоже преобразились наподобие первой, но вид их был несколько иной. Обыкновенное письмо прерывалось кое-где длинными шифрованными местами, содержащими, очевидно, особенно важные известия. Шифр служил гарантией на тот случай, если полиция обнаружит особую подозрительность и, не довольствуясь чтением письма, употребит химические средства для исследования скрытого содержания.

Сначала шифрованные места попадались только изредка, и группы сплоченных цифр поднимались над ровными строками обычного писания, подобно кустарникам среди ровного поля; но мало-помалу эти кучки цифр густели все более и более, пока, наконец, посередине третьей страницы они не превратились в целый лес, как в таблицах логарифмов, без всяких знаков препинания.

— Вот вам, Андрей, приятное времяпрепровождение! — сказала Лена, указывая на количество шифра. — Я уверена, что Жорж нарочно для вас постарался!

— Хороша услуга, нечего сказать! — ответил молодой человек.

Он терпеть не мог заниматься разбором шифрованных писем и часто говорил, что это для него своего рода телесное наказание.

— Знаете, — продолжал он, — ведь нам придется поработать часов шесть над этой прелестью.

— Вовсе уже не так много, лентяй вы этакий! Двоим мы соорудим это гораздо скорее.

— Я отвык от этой работы. Напишите мне, пожалуйста, ключ, чтобы освежить память.

Она сейчас же исполнила его просьбу, и, вооружившись каждый листом бумаги, они терпеливо уселись за работу. Это была нелегкая задача. Жорж пользовался двойным шифром, употреблявшимся организацией; первоначальные цифры письма нужно было при помощи ключа превратить в новый ряд цифр, а те, в свою очередь, превращались через посредство другого ключа уже прямо в слова. Это давало возможность употреблять много различных знаков для обозначения каждой отдельной буквы азбуки и делало шифр недоступным для самых проницательных полицейских экспертов. Но если в шифрованном письме попадалась какая-нибудь ошибка, оно оставалось иногда загадкой даже для того, кому было адресовано.

Жорж, как подобает поэту, далеко не был образцом аккуратности и по временам доводил своих друзей до отчаяния; не было никакой возможности найти в иных частях письма что-либо, кроме нечленораздельных звуков, лишенных всякого намека на человеческую речь. И, как нарочно, подобные трудности постоянно попадались, по-видимому, на самых интересных и важных местах. Если Жорж, работавший в эту минуту на далекой родине, не почувствовал сильного припадка икоты, то это было никак не по вине его друзей, не перестававших бранить его.

Без помощи Лены Андрей не раз пришел бы в отчаяние. Но у девушки был большой навык в разборе шифров, и она имела талант угадывать недостающее. Когда Андрей терял терпение и предлагал отказаться от прочтения того или другого места, она брала оба листа в руки и по какому-то особенному вдохновению догадывалась, в чем состояла ошибка Жоржа. Более двух часов употребили они на чтение отдельных шифрованных мест. В них заключались подробности поездки Андрея в Россию, давались имена и адреса людей, к которым он должен был обратиться на границе и потом в Петербурге.

Андрей тщательно переписал все адреса на маленькую бумажку и положил ее в кошелек, с тем чтобы выучить на память до отъезда. Теперь им оставалось разобрать только один кусок письма, состоявший из сплошного шифра; тут речь шла, очевидно, о чем-то другом — вероятно, очень опасном и компрометирующем, так как Жорж не поленился зашифровать каждое слово.

Какую же роковую тайну скрывал этот непроницаемый лес цифр? Андрей вглядывался в знаки, пытаясь угадать их значение, но лес ревниво оберегал тайну, дразня немой монотонностью своих рядов, при всем капризном разнообразии цифр.

Отдохнувши несколько минут, они сели за работу, с удвоенной энергией разбирая одно за другим

шифрованные слова. Андрей выписывал букву за буквой добытые результаты; когда у него оказывалось достаточно слов для целой фразы, он прочитывал ее Лене. Но первые же разобранные слова так взволновали его, что он не был в состоянии ждать окончания фразы.

— Что-то случилось с Борисом, я в этом уверен! — воскликнул он. — Посмотрите сюда!

Лена быстро взглянула на лист, лежавший перед Андреем, и потом на свой собственный. Нечего было сомневаться: дело касалось Бориса, одного из самых способных и влиятельных членов их партии, и начало фразы не обещало ничего хорошего — оно было даже хуже, чем предполагал Андрей. Лена догадалась о значении двух следующих букв, но не высказала своего предположения вслух и продолжала диктовать.

— Пять, три.

— Семь, девять, — вторил Андрей, ища в ключе соответствующей буквы.

— Скорее! — нетерпеливо сказала Лена. — Вы разве не видите, что это «а»?

Андрей записал зловещее «а».

Следующая буква оказалась «р», что было еще хуже...

Последовали третья, четвертая, пятая буквы, и последние сомнения исчезли. Не обмениваясь ни словом больше, они продолжали расшифровывать с лихорадочной торопливостью, и через несколько минут перед ними, черным на белом, стояла фраза: «Борис недавно арестован в Дубравнике».

Они взглянули друг на друга, совершенно растерянные. Аресты, подобно смерти, кажутся всегда нелепыми, невероятными, даже когда их можно было предвидеть.

— В Дубравнике! На кой черт ему вздумалось ехать в этот проклятый Дубравник?

— Посмотрим, что будет дальше, — сказала Лена, — может быть, узнаем. Вероятно, есть какие-нибудь подробности об аресте.

Они опять принялись за свою томительно-медленную работу, разобрав минут в десять, которые показались им часом, следующую пару строчек. В них сообщалось, что Борис и еще двое из его товарищей были арестованы после отчаянного сопротивления. Этого краткого извещения было достаточно, чтобы увидеть всю безнадежность положения Бориса. Он — обреченный человек, какова бы ни была его роль в этой стычке. По новому закону всякое участие в подобных делах наказывалось смертью. Борис же не принадлежал к людям, способным стоять сложа руки, когда другие сражаются.

— Бедная Зина! — вздохнули оба.

Зина была жена Бориса.

После короткой паузы Лена опять взялась за ряд цифр, который скоро превратился в имя женщины, вызвавшей у них сочувственный вздох.

— Зина, Зина! Неужели?.. — воскликнул Андрей.

Первой его мыслью было, что она тоже арестована.

Через пять минут томительной неизвестности оказалось, что он ошибся.

«Зина, — говорилось дальше в письме, — поехала в Дубравник зондировать¹ почву и посмотреть, нельзя ли устроить побег Бориса».

— А, вот они что замышляют! Я так рад! — сказал Андрей. — Тем скорее надо мне ехать.

За сообщением об участии Бориса следовал список других жертв, попавшихся в руки полиции; говорилось также о предстоящих процессах и о том, что предвидятся суровые приговоры, судя по тайным сведениям, полученным от официальных лиц.

Грустные известия о заключенных товарищах передавались кратко, деловым тоном, как составляются репортажи об убитых и раненых после сражения.

Трагизм подпольной борьбы просачивался капля по капле. Не было возможности проглотить сразу горькую чашу; каждая особенно печальная весть вызвала у читающих невольные восклицания, но они спешили дальше, сдерживая чувства.

Чтение шло теперь гораздо быстрее. Шифр Жоржа становился правильнее, разбирать его сделалось легче.

После печального перечня потерь и жертв перешли к более приятной теме; в кратких словах, но со свойственным ему энтузиазмом, Жорж рассказывал о быстрых успехах движения вообще, указывая на широкое брожение умов, развивавшееся решительно всюду. Его слова действовали как звук трубы, призывающей к новой битве от покрытого трупами поля сражения, или как вид залитого солнцем пейзажа по выходе из катакомб. Жизнь со всеми ее бурными волнениями эгоистично вступила в свои права, и, несмотря на тяжелое впечатление от письма, они окончили чтение его бодрее, чем можно было ожидать.

— Да, я уверена, что скоро заварится каша! — воскликнула радостно Лена, хотя она была правдивой народницей и все, на что намекал Жорж, шло вразрез с ее программой.

Она встала и принялась ходить взад и вперед по комнате, чтобы расправить онемевшие члены. Затем взяла письмо, осторожно посушила его над лампой и зажгла спичку с очевидным намерением сжечь его.

— Подождите, — остановил ее Андрей быстрым движением.

— Почему? Разве вы не списали адресов?

¹ Зондировать — здесь в значении исследовать, разведывать.

— Списал, но мне хотелось бы сохранить письмо еще на время.

— Зачем? Чтобы оно попало в чужие руки? — резко ответила девушка.

Андрей возразил, что такого рода предосторожности излишни в Швейцарии, но Лену трудно было убедить. Как большая часть женщин, принимающих участие в конспирациях, она строго исполняла все правила.

— Но, быть может, вы согласитесь на компромисс, — сказала она смягчаясь.

Оторвав первую половину письма, касавшуюся Андрея, она тщательно зачеркнула в ней несколько зашифрованных мест.

— Ведь вы хотите эту часть, не правда ли? — спросила она.

— Хорошо, я согласен на сделку. Эта часть письма мне действительно всего интереснее, и я жертвую остальным, — сказал Андрей, в то время как Лена стала на колени перед камином и принялась сжигать оставшиеся страницы письма и бумагу, на которой они разбирали шифр. Успокоивши свою совесть, она села на прежнее место.

— Итак, вы уезжаете, Андрей! — задумчиво проговорила она.

Чувствовалась какая-то необычная теплота в звуке ее голоса и во взгляде ее честных и смелых голубых глаз, обращенных на товарища. Остающиеся не могут глядеть без волнения на человека, покидающего безопасное убежище, чтобы снова riskовать жизнью в стране царского произвола.

— Вы скоро едете? — спросила она.

— Да, — ответил Андрей. — Деньги и паспорт будут здесь, надеюсь, дня через три-четыре. Я успею собраться. Хотел бы я знать, открыто ли его имя? — прибавил он внезапно.

— Чье имя? — спросила девушка, поднимая глаза.

— Как — чье? Бориса.

Тяжелая утрата не переставала мучить Андрея, несмотря на его внешнее спокойствие и бодрость.

— Не думаю, чтобы они могли так скоро узнать, — ответила она. — Борис никогда прежде не бывал в Дубравнике. К тому же Жорж упомянул бы о таком важном обстоятельстве.

— Дай бог, чтобы было по-вашему, — сказал Андрей. — Это бы значительно облегчило побег. Во всяком случае, я скоро узнаю обо всем.

Они стали говорить о делах. Лена, очевидно, была опытна в деле контрабандной переправы через русскую границу. Она дала несколько очень полезных советов Андрею, хотя тот и был старше ее на несколько лет.

— Когда вы попадете в водоворот, не забывайте нас, — сказала она со вздохом. — Пишите иногда

мне или Василию. Я тоже хочу вернуться. Устройте это, если возможно.

— С удовольствием. Да, кстати, где же это Василий? Почему вы не привели его с собой?

— Его не было в ресторане. Я послала ему записку, прося — зайти сюда. Вероятно, его не было дома. Он, наверное, в опере; сегодня дают «Роберта»¹, иначе он был бы давно здесь.

Лена опустила руку в карман и вынула старомодные тяжеловесные золотые часы. Она их очень любила, как подарок отца, генерала николаевских времен; часы были с ней в Сибири, и она привезла их с собой в изгнание. Для измерения времени они служили лишь изредка, а гораздо чаще спокойно лежали у закладчиков, когда ей или ее товарищам нужны были деньги. Все они были так близки друг с другом, что понятие частной собственности само собою исчезало между ними. Тот факт, что часы находились в руках их законной владелицы, указывал на сравнительное процветание маленькой эмигрантской группы в настоящую минуту.

— Однако как поздно, — сказала Лена. — Уже первый час, надо торопиться домой, чтобы завтра успеть на урок.

— Мне тоже нужно рано встать, чтобы засесть за литературу, — сказал Андрей.

— Кстати, — заметила Лена, — вы должны передать кому-нибудь из наших свою работу, когда уедете.

— Непременно. Она как нельзя лучше подойдет Василию. С его скромными привычками он отлично проживет на восемьдесят франков в месяц.

— Конечно, проживет, — подхватила Лена с видимой досадой.

— Хватит даже на то, чтобы водить вас в концерты и оперу.

Лена покраснела, хотя давно должна была привыкнуть к подобного рода шуткам. Андрей вечно дразнил ее этим поклонником; но она легко краснела, как все блондинки.

— Василий, во всяком случае, человек с твердыми принципами, а не сибарит², как вы, — сказала она с улыбкой. — Но теперь прощайте, мне некогда ссориться с вами.

Он взял лампу, чтобы осветить ей на лестнице, и подождал у дверей, пока она перешла через улицу к своему дому. Потом он медленно воротился в свою одинокую комнату.

Спасенная страница письма соблазнительно лежала на столе. Лена угадала правду: прося у нее письмо, он хотел наедине насладиться дружескими словами своих далеких товарищей; но, догадавшись о

¹ «Роберт» — опера «Роберт Дьявол» французского композитора Ж. Мейербера (1791–1864).

² Сибарит — человек, изнеженный роскошью.

его намерении, Лена испортила ему все удовольствие. Он положил письмо в карман, чтобы прочесть его на следующий день; теперь же решил пойти спать и отворил дверь алькова в глубине своей узкой и низенькой комнаты, которая благодаря этому увеличению приняла вид пустой коробки из-под сигар или гроба.

Приготовив постель, он, однако, почувствовал, что напрасно трудился, так как был слишком взволнован, чтобы заснуть.

Три длинных, длинных года прошли с тех пор, как Андрей Кожухов, замешанный в первых попытках пропаганды среди крестьян, а потом и в дальнейшей борьбе, вынужден был, по настоянию друзей, поехать «проветриться». С тех пор он скитался по разным странам, тщетно ища работы для своего беспокойного ума. Еще в конце первого года добровольной ссылки им овладела такая тоска по родине, что он стал просить товарищей, центр которых был тогда в Петербурге, чтобы они позволили ему вернуться и занять место в их рядах. Ему отказали наотрез. Был момент затишья; полиции не за кем было охотиться; а так как она еще отлично помнила имя Кожухова, то его появление могло поднять всю шайку на ноги. Стесненный во всех своих движениях, он был бы только в тягость товарищам, так как им пришлось бы заботиться о его безопасности. Он должен был понимать это сам. Если его возвращение станет нужным, они сообщат ему. А пока ему следует сидеть смиренно и заняться революционной литературой или принять участие в заграничном социалистическом движении.

Андрей попробовал и то и другое, но успех не соответствовал усердию. Он пытался писать для нескольких русских изданий, печатавшихся за границей. Но природа лишила его всякого литературного таланта.

Он чувствовал в себе пламенную душу, полную энтузиазма, и далеко не был равнодушен к красоте и поэзии. Но настоящие слова для выражения чувств ему не давались, и то, что глубоко волновало его сердце, выходило на бумаге бесцветно и безлично. Статьи, которые он изредка писал в разные газеты, были небесполезны — и только. Еще меньшим успехом увенчались другие его попытки найти себе дело за границей. Через несколько месяцев язык не представлял уже для него никаких препятствий для сближения с иностранными социалистами, но служить двум господам сразу он не мог.

Вся его душа переполнена была русскими заботами, русскими надеждами, русскими воспоминаниями. Он чувствовал себя случайным гостем на швейцарских митингах, и тоска по родине все сильнее и сильнее охватывала его. Он собирался снова писать друзьям, когда получилась живая весть от них в лице

Елены Зубовой, помогавшей ему сегодня одолеть письмо. Только что убежавши из Сибири, она явилась в Петербург и предложила свои услуги организации, но ей посоветовали уехать на время за границу. Вместе с множеством поклонов она передала Андрею совет друзей сидеть смиренно и быть благоразумным. В данную минуту в них обоих не нуждались в России: приезд Лены служил тому наглядным доказательством.

Андрею оставалось только покориться. Время притупило острую тоску первой разлуки с родиной. Он понемногу свыкся с мелкими заботами и огорчениями эмигрантской жизни и стал ценить глубокое наслаждение беспрепятственного доступа ко всем сокровищам европейской мысли. Таким образом он провел три года спокойного, безмятежного существования, оживляемого только лихорадочным ожиданием известий из России.

Ожидания его не были напрасны. После короткого перерыва слабо тлевшее революционное движение разгорелось с удвоенной силой. Андрей обрадовался новому предлогу для возвращения и написал друзьям с энергией и красноречием, так редко встречавшимися, к сожалению, в его более обработанных литературных произведениях. Теперь не было больше причин для отсрочки, и действительно, через несколько недель он получил ответ в письме Жоржа.

— Наконец-то! — повторял он, медленно шагая взад и вперед по своей комнате и обдумывая предстоящую поездку. В его голосе слышалась не радость, а странное спокойствие с оттенком меланхолии. Арест Бориса? Да, но это не все. Мысль о возвращении на родину потеряла долю своей прелести. Его самого удивляло и даже огорчало это спокойное настроение; судя по своему бывшему страстному томлению по родине, он заранее предвкушал тот восторг, которым наполнит его душу призыв друзей.

Теперь, когда наконец желание его исполнилось, ему все показалось так просто и естественно, что он почти забыл о тысячах верст и многих опасностях, еще стоявших между ним и его целью. Однообразные впечатления эмигрантской жизни исчезли, он мысленно был опять в Петербурге, среди знакомой обстановки, как будто он только вчера с нею расстался. Он принялся хладнокровно обдумывать важные вопросы, содержащиеся в письме Жоржа, и рассердился на друга за предположение, что так легко переубедить его. Нет, до этого еще далеко! Он вполне одобрял последние террористические акты, но не соглашался с их объяснением. Стремление организации сосредоточить всю власть в руках исполнительного комитета ему очень не нравилось. Он решил прежде всего растолковать Жоржу всю опасность такой системы. Его мысль оживилась, он по-

степенно разгорячился под влиянием своего воображаемого спора и стал быстрее шагать по комнате.

Громкий стук внезапно прервал его монолог и вернул к сознанию действительности. Стучал нижний жилец, потерявший всякое терпение от бешеного шагания Андрея. С помощью метлы он телеграфировал о своем неудовольствии беспокойному соседу с верхнего этажа.

— А, — проговорил Андрей, — это господин Корнишон. Бедняге хочется спать, и ему нет решительно никакого дела до судеб русской революции!

Чтобы показать, что он извиняется, Андрей ментально остановился и не двигался с места, пока стук не прекратился. Спать ему не хотелось, и так как он знал, что не сможет усидеть смирно на одном месте, то решил воспользоваться прелестной весенней ночью и пойти прогуляться. Он затушил лампу, запер дверь и, по обыкновению, положил ключ под коврик перед дверью.

Глава II В УЕДИНЕНИИ

Хорошо зная дом, Андрей ошупью спустился по темной лестнице и вышел на свежий воздух. Ночь была ясная и тихая, полный месяц светил с небесного свода. Андрей пошел вниз по своей узенькой улице и, повернувшись налево, прошел через маленький сквер, где возвышалось несколько гигантских вязов; предание гласит, что под ними любил отдыхать Жан-Жак Руссо¹. Продолжая идти по тому же направлению, Андрей через несколько минут очутился на открытой площади против Ботанического сада, решетка которого чуть поблескивала своими золочеными остриями на темном фоне экзотических растений. Мягкий ветерок навевал прохладу. Жадно вдыхая бодрящий ночной аромат, он чувствовал себя совершенно обновленным. Им овладело особое чувство радости: он радовался окружающей природе, своему спокойствию духа, своему физическому здоровью и силе, придававшей особую эластичность его членам. Ему хотелось двигаться, идти куда-нибудь... но куда?

Спящий город с его рядами доходных дворцов — роскошных отелей — тянулся по берегу Роны, налево от Андрея. Он любил этот мощный поток с его голубовато-зелеными или черными, как вороново крыло, пенящимися волнами, быстро несущимися между каменистых берегов. В жаркие солнечные дни он часами стоял, наблюдая волшебную игру света на

подвижной мозаике речного дна, просвечивающего сквозь темные пучки водорослей.

Но чтобы попасть туда, нужно было пройти мимо всех этих дворцов — этих приютов прозаичной корыстолюбивой мелкоты, уснувшей после дневной сутолоки. В такую ночь они были ему невыносимы, и он направился в противоположную сторону, вдоль озера. Это любимое место прогулок женецев с их семьями было теперь совершенно пустынно. Ничьи шаги, ничей докучий шум не нарушали величественного покоя ночи. Озеро было тихо, ровный ритмический плеск его волн убаюкивал Андрея, не прогоняя светлых видений, теснившихся в его взволнованном мозгу.

Открылась новая страница его жизни. Через несколько дней он будет за тысячи верст отсюда, на родине, в совершенно ином мире, среди совершенно иной обстановки. Сколько перемен с тех пор, как он оставил Петербург! Не более полудюжины его старых товарищей остались в организации. Только двое из них находились теперь в столице. Все остальные были новые люди, завербованные в его отсутствие.

Поладит ли он с ними, смогут ли они работать сообща без частых столкновений? Не беда! Он сильно верил в свое умение приспособляться к практическим условиям. В прежнее время он особенно любил попадать в совершенно незнакомые места, где все и всё было для него ново. Он чувствовал возрождение прежней страсти к борьбе и опасности и хладнокровную отвагу, свойственную тем, кого поражение делает еще непреклоннее и настойчивее.

Презрительная улыбка показалась у него на губах при мысли о полицейском хвастовстве, упомянутом в письме Жоржа. Глупцы! Они думают, что все идет к концу, между тем как теперь только начинается настоящее дело! Он знал, по репутации, самых выдающихся из новых членов; с некоторыми из них он встречался еще на собраниях тайных студенческих обществ; с тех пор они сделались, вероятно, совсем молодцами. Какое счастье, что судьба соединила его с такими людьми! В последнее время Андрей мучился мыслью, что долгое пребывание за границей, может быть, порвало крепкие узы, связывавшие его с близкими людьми на родине. Теперь он чувствовал, что эти братские узы так же прочны, как и прежде. Глубокая симпатия, сказавшаяся в письме друзей, нашла горячий отклик в его сердце. Как можно было опасаться столкновений или недоразумений с людьми, которые так заботились о том, чтобы сберечь человека, лично совершенно чужого для большинства из них, между тем как сами они были под огнем?

Он ни на минуту не допускал мысли, что заслуживает таких забот. Хотя он едва достиг зрелости, но раннее вступление в жизнь и интенсивность пережитых ощущений дали ему опытность человека на десять лет старше его.

¹ Жан-Жак Руссо (1712–1778) — французский писатель и мыслитель, родившийся в Женеве; его литературные произведения имели большое значение для подготовки и развития Великой французской революции конца XVIII столетия.

В двадцать семь лет он был положительным человеком, давно уже пережившим всякие иллюзии. Заботливость друзей не пробудила в нем тщеславия. Они в своем великодушии просто не ценили сами своих даров. Он принял их как хорошее предзнаменование, с благодарностью и с чистою, светлою радостью. Вот скала, на которой зиждется их церковь, и врата адовы не одолеют ее!

Он замедлил шаги и лишь только теперь заметил, что очутился далеко за городом. Луна садилась и смотрела ему прямо в лицо; дорога повернула вправо, постепенно поднимаясь в гору. Он заметил узкий проход между двумя каменными стенами, которыми в Швейцарии огораживают фруктовые сады и виноградники. Путь этот вел, вероятно, в какое-нибудь пустынное место, так как вымощенная камнями дорога успела порости травой.

Андрей вошел в этот тенистый проход и стал подниматься вверх; подъем становился все круче, по мере того как он шел вперед; крыша какой-то постройки неожиданно покрыла дорогу своей тенью. Он поднял глаза и увидел волнистую черную линию черепиц, выделяющуюся на синеве неба. Стены ветхой постройки были испещрены узкими перекрестными прощелинами; это был, очевидно, хлев. Корова, занятая своей жвачкой, замычала, почуввав приближение чужого человека, но, когда он прошел мимо, успокоилась и принялась за прежнее занятие. Немного дальше потянулись виноградники со своими толстыми лозами, свешенными со стен, а затем через сотню шагов дорога свернула, извиваясь широкой полосой между двумя длинными стенами, придававшими ей вид сухого акведука. Узкая каменная лестница, поднимающаяся на холм, выделилась тенями своих зигзагов. Когда Андрей взобрался по ее ступенькам вверх, он увидел перед собой открытое пространство, заросшее орешником. Тропинка, соединявшая, вероятно, нижнюю дорогу с другою, шедшею выше, блестела, как струя воды на освещенном луной изумрудном лугу.

Андрей пустился по ней; его привлекала ивовая роща на вершине холма. Но вскоре дорожка исчезла в мягкой траве, застилавшей все кругом. Всмотревшись пристально, Андрей заметил на некотором расстоянии другую дорогу, поднимающуюся на небольшой зеленый холмик направо. Он взобрался на него и был очень поражен, очутившись около самой обыкновенной садовой скамьи с удобной спинкой; неприятно напоминала она о вторжении человека в этот чудный пустынный уголок. Скамейки нельзя было заметить издали: длинные ветви плакучей ивы, под которой она стояла, окутывали ее своей тенью.

Отодвинув гибкие ветви, Андрей проник под мажущий зеленый свод и уселся. Подняв голову и взглянув перед собою, он вскочил с криком восторга

и удивления. Перед его глазами расстилалось только одно озеро; но с этого места и именно в эту минуту оно приняло такой фантастический вид, что он едва узнал его. Он стоял на террасе в нескольких шагах от края обрыва, скрывавшего все пространство, отделявшее его от воды. Белое, широко раскинувшееся озеро было прямо под ногами, как будто бы волшебная сила подняла почву, на которой он стоял, — деревья, скамью, все вокруг — и держала их в воздухе над громадным протяжением сверкающей воды, блестящей слишком ярко для обыкновенной воды. Целое море расплавленного серебра тянулось направо и налево, так далеко, как только глаз мог уследить, и все пространство наполнено было потоком света, отраженным гладкой поверхностью. Андрей подошел ближе к краю площадки, чтобы лучше оглядеться вокруг, но иллюзия сразу исчезла. Верхушки домов и деревьев у его ног выступили из темноты, густые и мрачные, оттеняя сверкающий блеск воды. Далекая набережная с маленькими скамейками и аккуратно подстриженными платанами; белые пристани, врезавшиеся в озеро, как лапы какого-то странного морского чудовища; освещенные газом мост и город; низкий швейцарский берег, исчезающий в туманной синеве, где берег и небо соединились в одно целое, и сторожевые огни на горах, принимавшие вид неподвижных золотых звезд на небе, — все это было очень красивой панорамой, но она лишилась прежнего волшебного вида.

Андрей вернулся на то же место, не чувствуя больше досады против людей, поставивших здесь скамейку. Он был очень чувствителен к красоте природы, хотя любил ее по-своему, припадками, эгоистично, как оно часто бывает с людьми, занятыми всецело поглощающим их делом.

Сегодня он в последний раз любовался этими красотами, простался с ними, отправляясь на призв долг. Сердце его переполнено было чувством глубокого спокойствия, какого он не испытывал уже много лет, и величаявая тишина громко говорила его сердцу. Ему казалось, что никогда он так полно, так чисто и возвышенно не наслаждался, как теперь.

А между тем мысли, продолжавшие бродить в его голове независимо от созерцания, далеко не гармонировали со спокойствием окружавшей его природы.

Есть какое-то особое удовольствие в мысли о страданиях, когда они уже не причиняют прямой боли и сделались воспоминанием прошлого.

Андрей думал о своей эмигрантской жизни, и воспоминания его со странной настойчивостью останавливались на самой темной стороне пережитого.

Он не делил со своими друзьями и товарищами горькой чаши, выпавшей на их долю, а между тем он